

Немногие современные языки мира отличаются такой длительной письменной традицией, как греческий. Одним из наименее обследованных периодов его истории является т. н. *позднее койне* (IV-X/XII в.). В это время происходит переход от древнегреческой языковой системы к нарождающейся новогреческой. Большинство исследований, посвященных особенностям языкового развития в эпоху позднего койне, либо уже устарели,¹ либо посвящены частным вопросам.² Поэтому не вызывает сомнения необходимость описаний ранне-византийских текстов и определения их релевантных для истории языка параметров, выявленных в результате подобной работы.

Основным **материалом** для исследования стал текст «Луга Духовного» (*Pratum Spirituale* или *Λεϊμόν*), написанного византийским монахом Иоанном Мосхом (ок. 550–619/34) в начале VII в. по рассказам, якобы, услышанным автором в православных монастырях Ближнего Востока, Кипра и Самоса. Создавая текст, Мосх ориентировался, прежде всего, на малограмотных читателей и стремился сделать свой язык как можно более простым и доступным, в т. ч., вероятно, и для восприятия на слух. Результатом этого стало возникновение особой языковой модели, во многом соответствующей языку образованного духовенства того времени, что и делает «Луг Духовный» уникальным лингвистическим памятником.³ В основном, при анализе текста ис-

¹ Напр., Dietrich K. Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache von der hellenistischen Zeit bis zum 10. Jahrhundert nach Christo. Leipzig, 1898; Mihevč-Gabroveč E. Études sur la syntaxe de Joannes Moschos. Ljubljana, 1960. К сожалению, отчасти устаревшей приходится признать и следующую замечательную работу — Tabachovitz D. Études sur le grec de la basse époque. Uppsala, 1943.

² См., напр., Matino G. Per lo studio del greco in epoca tardoantica // *Κοινὸνία* 1 (1977), 139–177. Aguilar R. M. El sistema de las negaciones en Juan Mosco // *Cuadernos de Filología Clásica* 18 (1983–84). P. 335–359. Редким исключением можно считать исследование: Karla G. A. Vita Aesopi. Überlieferung, Sprache und Edition einer frühbyzantinischen Fassung des Äsopromans. Wiesbaden, 2001.

³ Ср. замечание Э. Михевч-Габровеч: «“Луг Духовный” представляет собой необычайно ценный памятник для изучения среднегреческого и исследования развития греческого языка в целом. Это важный источник, без данных которого не сможет обойтись будущая историческая грамматика греческого языка» (*Op. cit.* P. 4).

пользовалось издание Ж.–П. Миня (219 глав),⁴ а также работы, где опубликованы отрывки «Луга Духовного», не представленные в основном издании или расходящиеся с ним.⁵

Помимо «Луга Духовного», в качестве материала привлекались «Анонимное предисловие» (Usener H. *Der heilige Tychon*. Leipzig; Berlin, 1907. S. 91–93), *Записка патриарха Фотия об Иоанне Мосхе* (Henry R. Photius. *Bibliothèque*. Tome 3 (“Codices” 186–222). Paris, 1962), тексты Ветхого и Нового Завета (Nestle E., E. Nestle, B. Aland, K. Aland et al. *Novum Testamentum Graece*. Stuttgart, 1993; Rahlf’s A. *Septuaginta*. Vol. 1–2. Stuttgart, 1962), проповеди Григория Назианзина (Moreschini C. *Grégoire de Nazianze*. Discours 38–41. Traduction par P. Gallay. Paris, 1990), стихотворения Птохопродрома (Eideneier H. *Ptochoprodromos*. Einführung, kritische Ausgabe, Deutsche Übersetzung, Glossar. Köln, 1991) и ряд памятников древнегреческой литературы. Целью привлечения дополнительных текстов было: (1) проведение частичного сопоставительного анализа; (2) разработка общих критериев лингвистического описания среднегреческих агиографических текстов; (3) реконструкция биографии Иоанна Мосха.

Актуальность исследования обусловлена тем, что всестороннее изучение текста, учитывающее не только его лингвистические характеристики, но и стилистические особенности, позволяет выделить в структуре текста разные языковые пласты, что представляется одной из основных задач, стоящих сегодня перед лингвистами-византистами. Эта задача может быть осуществлена только в процессе комплексного лингво-прагматического описания ранневизантийского литературного памятника. «Луг Духовный» представляет интерес, с одной стороны, как яркий пример ранней византийской агиогра-

⁴ Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus*. Series Graeca. T. 87, 3. Paris, 1857–1866. Далее *PG*.

⁵ Evergetinus P. *Συναγωγή τῶν Θεοφθόγγων ῥημάτων καὶ διδασκαλιῶν τῶν Θεοφόρων καὶ ἁγίων πατέρων*. 4 vols. (5 ed.) Ἀθήναι, 1957–66; Clugnet L. *Vies et récits d’anachorètes*. IV–VII siècles: 2. Textes inédits // *Revue de l’Orient Chrétien* 10 (1905). P. 39–56; Hesselting D.-S. *Morceaux choisis du Pré Spirituel de Jean Moschos*. Paris, 1931; Mioni E. *Il ‘Pratum Spirituale’ di Giovanni Mosco* // *Orientalia Christiana Periodica* 17 (1971). P. 61–94; Nissen T. *Unbekannte Erzählungen aus dem Pratum Spirituale* // *Byzantinische Zeitschrift* 38 (1938). P. 351–76; Pattenden P. *The Text of the ‘Pratum Spirituale’* // *Journal of Theological Studies*, N. S. 26, 1 (1975). P. 38–74.

фии IV-VIII вв. (произведение в жанре *патерика*), а с другой — как текст, где находят свое отражение не только традиционные языковые особенности, в основе которых лежит язык Библии (прежде всего, Нового Завета), раннегреческих христианских текстов и, частично, античная традиция, но и черты современного автору разговорного языка.⁶

Язык раннегреческой христианской прозы почти никогда не описывался с применением современных методов лингвистического анализа, и «Луга Духовный» не является исключением. Особенности языка этого памятника исследовались в трудах Н. Байнса, Д. Хесселинга, Э. Миони, Э. Михевч-Габровеч, П. Ортис-Гарсиа, Р. М. Агуилар, Х. Симон Палмера, Ф. Паттендена, Р. Майзано, а также в специальных разделах общих работ А. Мирамбеля, Р. Браунинга, А. Тонне, Дж. Хоррокса и др. Однако в большинстве исследований, указанных выше, внимание уделяется лишь отдельным аспектам языка Иоанна Мосха, таким, как употребление будущего времени и инфинитива, система отрицаний и прочее. Нигде, даже в работах, претендующих на полное лингвистическое описание «Луга Духовного», не проводится комплексный анализ с использованием лингвистики текста и учетом не только его морфологических, синтаксических, но и художественно-стилистических особенностей. Последнее позволяет говорить о **новизне** проведенного исследования.

Теоретическая значимость работы обусловлена, прежде всего, особым вниманием к особенностям позиции местоименных клитик, что на сегодняшний день представляется одним из важнейших вопросов, стоящих перед исторической грамматикой как балканских языков вообще, так и греческого, в частности. Рассмотрение проблемы местоименных клитик именно на материале «Луга Духовного» интересно по двум причинам: (1) позднее койне представляет собой переходный период в истории греческого языка, поэтому при рассмотрении текстов, относящихся к данному периоду, можно найти прагматический подход к различным вопросам греческой морфологии и синтаксиса; (2) в «Луге Духовном» отражаются отдельные черты разговорного языка.

⁶ Ср. высказывание Р. М. Агуилар: «Язык Иоанна Мосха является частью христианской литературной традиции, как один из примеров новозаветного койне. Стиль Мосха, в целом, простой и разговорный, однако в то же время он соответствует языку высокообразованного человека, например, монаха» (*Op. cit.* P. 336).

Цель работы заключается в выявлении на материале «Луга Духовного» факторов, влияющих на позицию слабых форм местоимения в функции дополнения, и зависимости этих факторов от художественных, стилистических, морфологических и синтаксических особенностей отдельно взятого текста.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**: (1) определение факторов, влияющих на позицию местоименного дополнения; (2) выявление морфологических и синтаксических особенностей «Луга Духовного»; (3) рассмотрение текстологических разночтений и их влияния на лингвистическую интерпретацию текста; (4) изучение стилистической вариативности в произведении Иоанна Мосха; (5) краткая характеристика художественных особенностей изучаемого патерика.

В работе используется **метод** комплексного филологического анализа, включающего следующие аспекты: (1) сопоставительный анализ языковых характеристик разных уровней в рамках одного текста (языковые особенности «Луга Духовного» анализируются в контексте вычленения различных стилистических уровней); (2) сопоставительный анализ текстологических разночтений; (3) анализ связности текста, как литературного памятника; (4) анализ морфологических особенностей «Луга Духовного»; (5) семантико-синтаксический анализ текста (рассмотрение порядка слов в рамках синтаксических единств, изучение темо-рематической структуры и влияния эмфазы); (6) синтаксико-просодический анализ текста (выявление места фразового ударения, проверка текста на соответствие закону Ваккернагеля); (6) собственно-синтаксический анализ текста (выявление контекстно-зависимых (КЗ-) правил, определяющих позицию слабого местоимения в функции дополнения); (7) сопоставление факторов, определяющих порядок слов в предложении, с факторами, влияющими на позицию местоименных клитик; (8) количественный анализ языковых данных.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Язык «Луга Духовного» можно исследовать по изданию *PG*, которое, несмотря на текстологические недостатки, позволяет провести лингвистический анализ в области морфологии и синтаксиса.

2. Языковые особенности «Луга Духовного» тесно связаны с его художественно-стилистическими особенностями.

3. В морфологии «Луга Духовного», наравне с явными архаизмами, присутствуют отклонения от нормы, которые следует считать не ошибками писателя или переписчика, а языковыми фактами VI в. н. э.;

причем само смешение архаизмов и отклонений от нормы в рамках одного текста надо рассматривать не как безграмотность автора, а пример существовавшего в речи образованных людей колебания между античной нормой и новой.

4. Полноударные синтаксические элементы в функции дополнения расставляются относительно глагола-референта, исходя из других критериев, чем местоименные клитики в аналогичной функции.

5. Основным принципом расстановки местоименных клитик в «Луге Духовном» следует считать закон Ваккернагеля, несмотря на то, что местоименные клитики в позднем койне начинают превращаться в глагольные клитики.

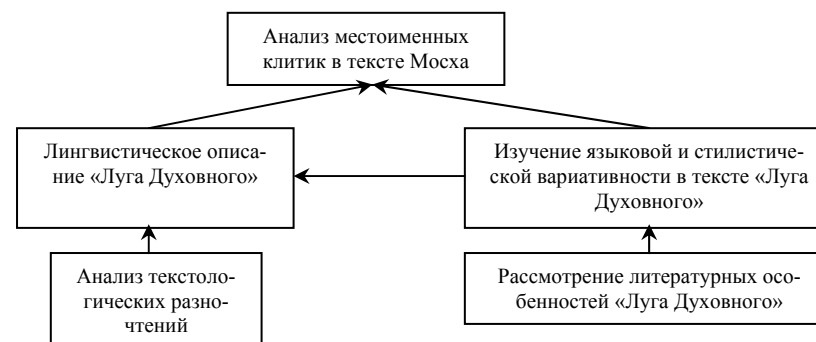
6. Позиция местоименной клитики относительно глагола-референта в большинстве случаев определяется семантико-прагматическими критериями, такими, как маркированность и проч.

7. Местоименные формы мн. ч. и 3 л. ед. ч. в соответствующих контекстах следует рассматривать, как аналоги местоименных клитик.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов, содержащихся в диссертации, при работе над учебными пособиями по истории греческого языка, в лекционных и специальных курсах по истории греческого языка, особенно раннехристианского периода, а также при подготовке нового издания и переводов «Луга Духовного».

Апробация работы. Результаты исследования отражены в публикациях, а также излагались в докладах на заседаниях аспирантского семинара на кафедре общего языкознания филологического факультета СПбГУ (2000–2002 гг.); на XXIX–XXXII межвузовских конференциях преподавателей и аспирантов (СПбГУ, 2000–2003 гг.); на 3 и 4 Всероссийских конференциях молодых специалистов по Византистике и Неоэллинистике (МГУ, 2000 и 2001 гг.); на Междисциплинарной конференции молодых филологов «Юрьевские чтения» (СПбГУ, 2001); на выездном семинаре Петербургского лингвистического общества (Рошино, 2001); на конференциях, посвященных памяти проф. И. М. Тронского (ИЛИ РАН 2000–2002 гг.), и 90-летию со дня рождения члена-корр. РАН А. В. Десницкой (ИЛИ РАН, 2002); на международной конференции “Hellenic World and Us” (Рига, 2001); во время семинаров и практических занятий на кафедре византийской и новогреческой филологии в Свободном университете Берлина (Byzantinisch-Neugriechisches Seminar, Freie Universität Berlin, 2002–2003 гг.).

Структура работы. Исходя из поставленной цели и сформулированных задач, общую структуру диссертации можно представить в виде следующей схемы:

Диссертация состоит из **Введения**, двух глав, **Заключения**, **Библиографии**, включающей в себя список источников, **Списка сокращений** и шести **Приложений**. **Приложение I** «Хронологические таблицы (550–634)» содержит хронологические таблицы исторических событий, дат правления византийских императоров и патриархов, современных Мосху. В **Приложении II** «Биографические сведения» приводятся тексты анонимного предисловия к «Лугу Духовному» (т. н. *Prologos*) и заметки патриарха Фотия о «Луге Духовном» и его авторе с переводами, а также проводится реконструкция биографии Иоанна Мосха. **Приложение III** «Текстологические особенности PG» включает в себя правила нумерации строк в издании Миня и список разночтений Котельера. В **Приложении IV** «Русские переводы “Луга Духовного”» дается краткое описание и характеристика существующих переводов данного патерика на русский язык, указывается необходимость подготовки нового перевода, а также перечисляются известные нам переводы данного патерика на разные языки. **Приложение V** «Латинские заимствования в тексте “Луга Духовного”» представляет собой индекс латинских заимствований и калек с переводом, комментарием и указанием мест в тексте.⁷ В **Приложении VI** «Цитаты в тексте “Луга Духовного”» рассматриваются вопросы точности цитирования Библии и

⁷ В основу индекса положена статья Х. Симона Палмера (Simón Palmer J. Latinismos en el léxico del ‘Pratum spirituale’ de Juan Mosco // P. Badenas, J. M. Egea (eds.). Oriente y Occidente en la Edad Media. Influjos bizantinos en la cultura occidental. Vitoria–Gasteiz, 1993. P. 9–21).

раннехристианской литературы и способы включения цитат в текст повествования.

Основное содержание работы

Во **Введении** выдвигается тезис о перспективности рассмотрения лингвистических закономерностей на материале конкретных текстов с учетом всех их особенностей. Так же уточняется цель исследования — *рассмотрение местоименных клитик в тексте «Луга Духовного»*, поскольку местоименные клитики следует рассматривать параллельно с изучением особенностей синтаксиса и морфологии, а это возможно только на материале отдельных текстов. «Луг Духовный» был выбран в качестве исследуемого текста, с одной стороны, как типичный патерик, а, с другой стороны, как литературный памятник, где нашли отражение факты разговорного языка и в котором многие синтаксические конструкции еще не подверглись грамматикализации и морфологизации.

Первая глава «Общая характеристика “Луга Духовного”» состоит из четырех разделов.

В **первом разделе** «Текстология “Луга Духовного”. Рукописи и издания» описываются некоторые особенности рукописной традиции, и дается характеристика первым изданиям этого произведения.⁸ Если первая часть раздела, в основном, ориентирована на статьи Ф. Паттендена,⁹ то во второй проводится анализ 192 разночтений, указанных Котельером, среди которых выделяется 6 групп: (1) *информативные*, добавляющие или изменяющие фактические сведения, содержащиеся в тексте; (2) *фонетические*, отражающие различия в ударении, написании слов как греческого, так и семитского происхождения, а также влияние фонетического окружения; (3) *стилистические*, связанные с пересмотром формы устойчивых выражений, заполнением пустующих валентностей в целях избежания эллиптичности и вставкой клитик в качестве разделителей близко стоящих глагольных форм или маркеров

⁸ Fronto Duceus. Bibliotheca Veterum Patrum. Paris, 1624. P. 1055–1162; Joannes-Baptista Cotelerius. Ecclesiae Graecae Monumenta. Tom II. Paris, 1681. P. 341–456, 655–678. Позже Ж.-П. Минь, издавая *PG*, просто объединил эти издания, каждое из которых охватывает примерно половину текста «Луга Духовного».

⁹ Pattenden P. *Op. cit.*, см. также: The Editions of the ‘Pratum Spirituale’ // *Studia Patristica* 15.1 (1984). P. 16–19; Some Remarks on the Newly Edited Text of the ‘Pratum’ of John Moschus // *Studia Patristica* 18.2 (1989). P. 45–51.

эмоционально-экспрессивной окрашенности; (4) *лексические*: употребление синонимов или близких по смыслу слов; (5) *морфологические и словообразовательные*: во-первых, разночтения затрагивающие форму слова — различия в аффиксации и ступени глагольной основы, и варьирование самой формы слова — а, во-вторых, разночтения, связанные с употреблением падежей, грамматического рода и числа, глагольных форм, времен и наклонений, а также изменяемостью/неизменяемостью заимствованных слов и адъективацией предложно-падежных словосочетаний; (6) *синтаксические*: употребление союзов и разночтения, затрагивающие синтаксическую структуру фразы в целом. В результате рассмотрения разночтений, приведенных Котельером, делается вывод о том, что, несмотря на различия между рукописями и недостатки издания Миня, текст Мосха можно исследовать по *PG*.

Во **втором разделе** «Некоторые литературные особенности “Луга Духовного”» поднимается вопрос о возможности рассмотрения текста Мосха как литературного произведения. Такие признанные специалисты, как К. Крумбахер и Х.-Г. Бек, описывая историю византийской литературы, уделяют «Лугу Духовному» только несколько строк, где содержатся краткие сведения о биографии автора и рукописной традиции. Мы выдвигаем два тезиса, согласно которым патерик Мосха следует считать литературным произведением: во-первых, необычайная популярность этого текста, о чем свидетельствует свыше 145 рукописей, содержащих текст полностью или частично, и многочисленные переводы, а, во-вторых, понимание роли писателя, как того, «кто умеет работать на языке, находясь вне языка, кто обладает даром непрямого общения».¹⁰

Мосх не был просто собирателем историй, что подтверждается его активным участием во многих рассказах. Итальянский исследователь Р. Майзано предлагает выделить четыре группы историй, исходя из степени авторского участия в повествовании в роли действующего лица: (1) не участвует; (2) слушает рассказ от очевидца событий; (3) слушает историю в пересказе; (4) является непосредственным участником описываемых событий.¹¹ Главы, отнесенные к последней группе, составляют, по нашим наблюдениям, явное меньшинство, а достоверность в историях, отнесенных к группам (2) и (3) (различия

¹⁰ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 305.

¹¹ Maisano R. Tradizione orale e sviluppi narrativi nel ‘Prato’ di Giovanni Mosco // *Bolletino della Badia Greca di Grottaferrata* 38 (1984). P. 3–5.

между которыми часто неявны), достигается указанием имени и положения рассказчика, авторитет которого не позволяет усомниться в правдивости самой нереальной истории. Тем не менее, в главах, отнесенных Р. Майзано к группам (2) и (3), рассказчик далеко не всегда идентифицирован (τις τῶν Πατέρων — один из отцов, гл. XX, τις τῶν πρεσβυτέρων — один из пресвитеров, гл. XXXIX). Мы предлагаем другой принцип группировки историй, основывающийся на критерии достоверности: (I) Документированные свидетельства» ((I.1) Личный опыт автора; (I.2) Четкое указание на источник рассказа); (II) Истории без указания на конкретный источник.

Рассмотрение историй «Луга Духовного» позволяет заметить у многих из них трехчастную структуру, состоящую из *Предпосылки*, *Развития* и *Следствия*. Цепочка *Предпосылка* → *Следствие* на уровне логики передает то, что обычно называют философией автора, т. е. художественная интерпретация этой цепочки является основным, если даже не единственным средством, с помощью которого писатель может выразить свои взгляды. У автора патерика эта логическая цепочка обычно представлена двумя исходными посылками: *грех всегда наказуем* и *Бог всегда наградит верующего и благочестивого человека и окажет ему помощь в трудную минуту*. Личное же мастерство писателя находит отражение в реализации элемента представления текста, названного нами *Развитие*. Трехчастная структура не всегда выделяется, например, в рассказах о некоем замечательном факте из жизни святых старцев. В этом случае наиболее продуктивным представляется деление текста на суждения, аналогичные (на текстовом уровне) прозаической строфе. Можно сделать вывод, что одна из основных задач автора заключается в связывании разных суждений между собой. Мосх с этим мастерски справляется, находя каждый раз новые решения, что позволяет считать его не просто компилятором известных сюжетов, а настоящим писателем в понимании М. М. Бахтина.

В *третьем разделе* «“Луг Духовный” и диглоссия» предпринимается попытка выделения разных стилистических и языковых уровней в тексте Мосха на основании современных представлений о диглоссии. Первая часть раздела («Греческая диглоссия») представляет собой краткое описание явления диглоссии вообще и новогреческой, в частности. Особенно подчеркивается тот факт, что новогреческая диг-

лоссия, во-первых, уходит корнями еще во времена койне,¹² а, во-вторых, само понятие диглоссии подразумевает не просто сосуществование двух полярных вариантов, но и обязательное появление промежуточных уровней, следы которых обнаруживаются еще в середине XX в. Следовательно, можно утверждать, что, если язык византийского литературного памятника и не отражает повседневную народную речь, нельзя исключать того, что так могли разговаривать образованные носители языка.

Во второй части раздела («Стилистические особенности “Луга Духовного”») сравниваются разные отрывки текста с целью выявления зависимости языковых особенностей от стилистического уровня. Сопоставление разных глав, а также отдельных отрывков внутри одной главы явным образом свидетельствует о существовании подобной зависимости. Можно выделить две группы факторов, определяющих выбор языкового варианта: (1) особенности коммуникантов, т. е. *человеческий фактор*;¹³ (2) особенности коммуникативной ситуации/темы разговора. В качестве примера влияния особенностей коммуникантов на выбор языкового варианта были рассмотрены реплики представителей небесных сил, речь которых разительно отличалась от речи других персонажей. Было замечено, что речь представителей небесных сил обычно представляет собой моральный императив, и мы предположили, что основное влияние на выбор языкового варианта оказывают особенности коммуникативной ситуации (повествование, диалог и проч.) и тема (наставление, бытовой разговор между монахами и т. д.). Многочисленные примеры из «Луга Духовного» свидетельствуют о том, что именно в диалогах (не на богословские темы) синтаксис наиболее прозрачен, и чаще всего встречаются отклонения от древнегреческой морфологии, за которыми нередко просматриваются новогреческие формы. Мы считаем, что так могло говорить духовенство во времена Мосха. Наиболее архаичные формы и запутанный синтаксис встречаются во Введении, где Мосх, объясняя суть названия, демонстрирует свою образованность и ориентируется на античную норму, а

¹² Frösén J. Prolegomena to a Study of the Greek Language in the First Centuries A. D.: The Problem of Koine and Atticism. Helsinki, 1974; Niehoff-Panagiotidis J. Koine und Diglossie. Wiesbaden, 1994.

¹³ Богданов В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л., 1990. С. 27–28.

также в наставлениях и изречениях старцев, базирующихся на библейских образцах.

Четвертый раздел «Морфологические особенности “Луга Духовного”» посвящен рассмотрению языковых процессов, характерных для койне, на материале текста Мосха. В первой части раздела («Позднее койне и “Луг Духовный”») эти процессы кратко описываются, и особенно выделяется три: (1) исчезновение дательного падежа; (2) изменения в глагольной системе, связанные с исчезновением желательного наклонения и омонимией большинства форм сослагательного и изъявительного наклонения; (3) изменения в просодической системе языка, приводящие к совпадению границ синтаксических и интонационных единств.¹⁴

Во второй части («Имя существительное») особое внимание уделено употреблению артикля, роду и числу и падежной системе. Центральным вопросом при описании артикля является связь между его употреблением и выражением определенности/неопределенности. В «Луге Духовном» не удалось обнаружить четких правил употребления артикля, однако замечено, что его опускание иногда оказывается показателем определенности. Также наблюдается тенденция к появлению неопределенного артикля: в его функции может употребляться неопределенно-личное местоимение $\tau\iota\varsigma$ и числительное $\epsilon\iota\varsigma$.

Рассмотрение употребления грамматического рода ведется в двух направлениях: (1) выявление примеров использования «неправильного» рода имен существительных ($\delta\ \epsilon\iota\varsigma\omicron\delta\omicron\varsigma$ — мужской род вместо женского); (2) анализ нарушений согласования по роду. Многие «ошибки», как оказалось, можно объяснить аналогией ($\epsilon\iota\varsigma\omicron\delta\omicron\varsigma$ имеет окончание, характерное для мужского рода) или фонетическими причинами ($\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$ вместо $\alpha\upsilon\tau\omicron$, т. е., м. р. вместо с. р., т. к. следующее слово начинается с сонанта: $\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$. $\Lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega$).¹⁵

Интерес также представляют особенности употребления множественного числа. Вслед за Э. Михевч-Габровеч,¹⁶ мы выделяем *множественное собирательное* ($\phi\acute{\omega}\tau\alpha$ в значении свет), *множественное скромности* (употребление *мы* вместо *я* при обращении к Богу), *мно-*

жественное вежливости (аналогично обращению на *Вы*) и *множественное величественности* (употребление *мы* вместо *я* для укрепления собственного авторитета).

Особенности падежной системы «Луга Духовного» не ограничиваются ожидаемыми случаями замены дательного падежа родительным или винительным (часто с предлогом). Встречаются примеры употребления дательного вместо других падежей и даже родительного вместо винительного и наоборот. В тексте Мосха дательный падеж употребляется почти во всех тех функциях, что и в классическом языке; более того, в относительной функции дательный превосходит винительный по частотности. Вероятно, эволюция падежной системы длилась почти весь период позднего койне, и дательный падеж долго сохранялся в речи образованных людей, хотя часто употреблялся уже не так, как в древнегреческом.

Третья часть раздела («Глагол») содержит анализ функциональных отличий употребления разных прошедших времен, а также описание средств выражения будущего времени. В прошедших временах наблюдается тенденция к стиранию различий между аористом, имперфектом и древнегреческим перфектом, а также к формированию аналитических средств выражения времен перфекта ($\epsilon\chi\omega/\epsilon\tau\mu\acute{\iota}$ + причастная форма настоящего времени для перфекта и аориста для плюсквамперфекта). Любопытно употребление плюсквамперфекта не в придаточном предложении для обозначения предпрошедшего времени, а в главном, — для указания временной оторванности описываемого в высказывании события от момента речи без конкретной локализации в прошлом, т. е. в функции т. н. *сверхпрошлого*.¹⁷

В тексте Мосха выделяется семь способов выражения будущего времени, причем удается проследить определенную зависимость дистрибуции средств его выражения от стиля (См. **Табл. 1**).¹⁸

¹⁴ Николаева Т. М. Просодия Балкан. Слово — высказывание — текст. М., 1996. С. 15.

¹⁵ Нельзя также исключать аналогического влияния прилагательных на $-\acute{\omicron}\varsigma$, $-\acute{\eta}$, $-\acute{\omicron}\nu$.

¹⁶ *Op. cit.* P. 13–14.

¹⁷ Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики, вып. 1: Глагольные категории. М., 2001. С. 50–88.

¹⁸ См. также Ortiz García P. La expresión del futuro en el ‘Pratum Spirituale’ de Juan Mosco. (Memoria de licenciatura sin publicar). Madrid, 1976–77. P. 115.

Табл. 1. Способы выражения будущего времени и стиль.

Средство выражения будущего времени	Всего	Библейские цитаты	Высокий стиль	%	Просторечный стиль	%
<i>Futurum Classicum</i>	59	10	47	96,6	2	3,4
<i>Praesens</i>	141	—	84	59,5	57	40,5
<i>Coni. Aor.</i>	11	—	9	81,9	2	18,1
οὐ μὴ + <i>Coni. Aor.</i>	12	2	10	100,0	—	0,0
ἔσομαι + <i>Part. Fut.</i>	4	3	1	100,0	—	0,0
μέλλω + <i>inf.</i>	8	—	3	37,5	5	62,5
ἔχω + <i>inf.</i>	30	—	13	43,3	17	5,67
Итого	265	15	167	68,7	83	31,3

Особый интерес представляют сочетания μέλλω и ἔχω с инфинитивом, у которых в «Луге Духовном», в отличие от античных текстов, почти не проявляется модальный оттенок.¹⁹ Различие между двумя конструкциями аналогично видовому противопоставлению: ἔχω + *inf.* описывает однократное действие в будущем, а μέλλω + *inf.* — повторяющееся.²⁰

В среднегреческих письменных памятниках нередко встречаются сочетания ὀφείλω и θέλω с инфинитивом. Подробное рассмотрение немногочисленных примеров с ὀφείλω, позволяет заметить, что этот глагол в тексте Мосха выражает модальность и не связан с выражением будущего времени. Конструкция θέλω + *inf.*, легшая в основу новогреческого будущего с θα, также ни разу не встречается, как форма будущего времени: из 41 примера в 33 наблюдается ярко выраженный оттенок желательности, а интерпретация остальных 8 неоднозначна.

¹⁹ См. Ruijgh C. J. Compte rendu: L. Basset. Les emplois périphrastiques du verbe grec μέλλειν // C. J. Ruijgh. Scripta minora. Ad linguam Graecam pertinentia. Vol. 2. Amsterdam, 1996. P. 596ff.

²⁰ См. также Tonnet H. Note sur la constitution du futur grec modern // Cahiers balkaniques 3 (1982). P. 111.

Вторая глава «Синтаксис “Луга Духовного”» состоит из двух разделов. **В первом разделе** «Порядок слов в “Луге Духовном”» представлены (1) подсчеты употребления порядка слов в предложении; (2) наблюдение за порядком компонентов в VP и NP; (3) факторы, влияющие на позицию слова в предложении.²¹ При проведении количественных подсчетов, для которых были взяты гл. LXXVII, CVII и т. н. «Введение», обнаружилось влияние стилистических особенностей на порядок слов (в гл. LXXVII, CVII, близких по стилю, и во «Введении» данные сильно различались). Это заставило отказаться от количественных подсчетов, как от основной стратегии исчисления порядка слов.

Изучение порядка компонентов словосочетаний (VP и NP) тесно связано с понятием *предсказуемости*,²² в целом, применимого для описания порядка слов в рамках VP в «Луге Духовном». Порядок VO следует считать базовым с учетом некоторых уточнений (1) Позиция нескольких дополнений при одном референте определяется т. н. *Правилом рангов* (см. **Табл. 2**).

Табл. 2. Правило рангов в «Луге Духовном».

Ранги	I	II	III
Дополнения	Косвенное дополнение (без предлога)	Прямое дополнение	Косвенное дополнение (с предлогом)
Порядок	Скорее VO, почти всегда контактно	VO или OV, часто дистантно, расстояние редко более одного синтаксического элемента	VO или OV, дистантно, расстояние редко менее двух синтаксических элементов.

При отсутствии дополнения одного из рангов, происходит «сдвиг» (III → II, II → I), после которого дополнение ставится в соответствии с новым рангом. (2) Если в VP входит несколько глагольных форм, одна из которых инфинитив, а другая — управляющий им глагол, дополнение может оказаться в интерпозиции. Это регулярно происходит с ме-

²¹ См. также Mithun M. Is basic word order universal? // D. L. Payne (ed.). Pragmatics of Word Order Flexibility. [Typological Studies in Language, Vol. 22]. Amsterdam/Philadelphia, 1992. P. 20ff.

²² Т. е., введение нового элемента в рассмотрение последним (т. н. *эшелонирование*). См. Ли Ч. Н., С. А. Томпсон. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XI (1982). С. 203.

стоименными дополнениями, но не засвидетельствовано для косвенных дополнений с предлогом. (3) При дистантной позиции глагола и дополнения (разделитель не является компонентом VP) порядок составляющих, как кажется, перспективнее рассматривать в контексте предложения в целом. (4) Принцип интерпретации предложения, в отличие от принципа слухового восприятия, не обязательно последователен. Поэтому предсказуемость не должна выражаться в расположении нового элемента после известного (темы); это, в частности, проявляется в NP, где определение обычно оказывается перед определяемым словом.

Изучение факторов, влияющих на позицию синтаксического элемента в рамках предложения, в работе сведено к решению трех задач: (1) определение влияния нарративных стратегий на порядок слов; (2) выявление связи между маркированностью и порядком слов; (3) определение зависимости порядка слов от просодических особенностей высказывания.

Влияние нарративных стратегий обусловлено стремлением автора сделать свой текст максимально интересным и доступным для читателя/слушателя. Так можно объяснить частые случаи полной или частичной инверсии в начале рассказа (VS); параллели наблюдаются во многих фольклорных текстах, ср. с англ. *There was a man...* фр. *Il y avait un homme...* русск. *Жил, да был...* и т. п. Мосх избегает возможной двусмысленности или сложности в интерпретации высказывания, часто ставя синтаксически связанные элементы контактно, при этом связь между определяемым словом и определением оказывается приоритетнее, чем между глаголом и дополнением.

При наблюдении за способами выражения маркированности в тексте «Луга Духовного» вслед за Т. М. Николаевой²³ предлагается различать *фразовое ударение* и *акцентное выделение*: первое является обязательным компонентом любого высказывания и обладает фиксированной позицией в его просодической структуре, а второе свидетельствует о маркированности и не обладает фиксированной позицией. Это позволяет считать эмфазу не обязательным компонентом любого высказывания, а набором нескольких простых процедур, приводящих к логической выделенности (маркированности) отдельных элементов/частей высказывания. В изучаемом тексте обнаружены следующие приемы эмфазы: (1) заполнение факультативной валентности полно-

²³ Николаева Т. М. Семантика акцентного членения предложения. М., 1982.

ударным словом (вместо клитики или нулевого дополнения); (2) вставка частиц (сентенциальных клитик) для маркирования отрезка высказывания; (3) вставка лексических маркеров (обычно указательных местоимений в функции определения); (4) перемещение синтаксических элементов (например, переход VO → OV).

Рассмотрение зависимости порядка слов в предложении от просодических факторов тесно связано с вопросом о действии закона Ваккернагеля в греческом языке.²⁴ В ряде исследований, посвященных греческой просодии и синтаксису, утверждается, что этот закон уже не действовал в койне и последующие периоды.²⁵ Тем не менее, мы считаем его одним из основных принципов исчисления порядка слов в «Луге Духовном». При интерпретации закона Ваккернагеля для текста Мосха следует согласиться с замечанием М. Йансе о необходимости понимания термина *Satz*, использованного в формулировке закона, не как ‘предложение’ (*sentence*), а в качестве ‘фразы или интонационного единства’ (*clause*).²⁶ Поэтому при рассмотрении закона Ваккернагеля на исследуемом материале используется понятие *колона*,²⁷ т. е., наименьшего синтаксического единства, в котором доминирует подчини-

²⁴ Напомним, согласно этому закону, фразовые энклитики обычно занимают второе место в предложении.

²⁵ Dunn G. Enclitic Pronoun Movement and the Ancient Greek Sentence Accent // Glotta 67 (1989). P. 1–19; ср.: Николаева Т. М. Просодия Балкан... С. 18. В последней работе закон подвергается критике, как пример «научного мышления, при котором существуют лишь слова, ударные и безударные, но никак не интонация, как система».

²⁶ Janse M. Convergence and Divergence in the Development of the Greek and Latin Clitic Pronouns // R. Sornicola, E. Poppe, A. Shisha Ha-Levy (eds.). Stability and Change of Word-Order Patterns over Time. Amsterdam, 2000. P. 233.

²⁷ См. также Weil A. De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langages modernes: question de grammaire générale. Paris, 1879. P. 96; Fraenkel E. Zur ‘Wackernagelschen’ Stellung von ἡμῖν, ὑμῖν, nobis, vobis // Museum Helveticum 23.1 (1966). S. 67; Adams J. N. Wackernagel's Law and the Placement of the Copula *esse* in Classical Latin. Cambridge, 1994. P. 2; Красухин К. Г. Закон Ваккернагеля и структура индоевропейского предложения // Вестник Московского Государственного Университета. (Серия 9. Филология) 6 (1997). С. 71.

тельная связь, а энклитики почти всегда оказываются на второй позиции.

Влияние закона Ваккернагеля на порядок слов в «Луге Духовном» подтверждается также в результате его проверки на принадлежность к «ваккернагелевским» языкам по схеме, подробно описанной А. В. Циммерлингом:²⁸ (1) синтаксические энклитики обнаруживаются в рамках всех типов предложений (повествовательных, вопросительных и побудительных); (2) состав энклитик в повествовательном предложении, помимо частиц, включает аргументные (местоименные клитики 1, 2 л. ед. ч.) и предикатные слова (обычно $\epsilon\sigma\tau\iota$, иногда $\phi\eta\sigma\iota$); (3) синтаксические энклитики не допускают логико-семантических операций контрастного выделения, противопоставления, сопоставления, эмфазы; (4) энклитики могут иметь полноударные дублетные формы (например, слабые и сильные формы местоимений), выражающие те же синтаксические категории и допускающие операции контрастного выделения, противопоставления, эмфазы; (5) одиночная энклитика, занимающая второе место во фразе или колонне, при подходящем лексико-синтаксическом составе высказывания может быть заменена цепочкой энклитик, обычно состоящей из синтаксической и местоименной энклитик; (6) в цепочке энклитик всегда действует *Правило рангов*, согласно которому в «Луге Духовном» местоименные энклитики стоят после синтаксических; (7) в тексте Мосха действуют *Правило Барьера* и *Запрет на Разрыв составляющих*, отодвигающие энклитику дальше второй позиции; (8) общее число клитик в «Луге Духовном» превышает число элементов, специализированных в функции синтаксических клитик, кроме которых имеются местоименные и предикатные; (9) вторая позиция в исследуемом тексте может замещаться неударными элементами, не относящимися к синтаксическим, местоименным или предикатным энклитикам ($\tau\epsilon$).

Соответствие указанным выше параметрам позволяет считать закон Ваккернагеля одним из основных принципов расстановки словоформ в «Луге Духовном», несмотря на отдельные отклонения, связанные с тенденцией к превращению местоименных клитик в глагольные.

²⁸ Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002. С. 72–77.

Эта тенденция свидетельствует о переходе греческого от W-системы к W*-системе,²⁹ имевшем место в эпоху койне.

Второй раздел «Местоименные (объектные) клитики в “Луге Духовном”» посвящен описанию местоименных дополнений в тексте Иоанна Мосха. Прежде всего, поднимается вопрос о статусе местоименных клитик и о релевантности их рассмотрения как *фразовых аффиксов*. Такое понимание местоименных клитик предлагается, в частности, в работах С. Андерсона, А. Халперна и Дж. Клаванса.³⁰ В качестве основания обычно указывают на: (1) ограниченную линейно-синтагматическую свободу местоименных энклитик; (2) случаи слитного написания местоименных клитик и глагола-референта, широко распространенные в греческих эпиграфических памятниках (например, подпись на вазах аттического мастера Экзехия: $E\chi\sigma\epsilon\kappa\iota\alpha\varsigma : \mu\epsilon\tau\omicron\lambda\epsilon\sigma\epsilon\upsilon\nu : \epsilon\upsilon :$, *Лувр F54*; ок. 540 г. до н. э.);³¹ (3) наличие ассимилятивных процессов между ними ($\gamma\rho\acute{\alpha}\psi\omicron\mu\ \mu\omicron\iota$),³² а также типологическое сравнение с ситуацией в семитских языках, где местоименные клитики традиционно трактуются как глагольные аффиксы; (4) зависимость пози-

²⁹ W-система — система кодирования тактовых групп в соответствии с законом Ваккернагеля. W*-система представляет собой вырожденную W-систему; к ее особенностям можно отнести ограниченный инвентарь клитизируемых категорий (в основном — местоименные дополнения), факт примыкания клитизируемых элементов исключительно к глагольным формам, отсутствие у клитик и их цепочек постоянного места в синтаксической структуре предложения и зависимость их позиции от места словоформы-хозяина (*host*); см. подробнее Циммерлинг А. В. *Ук. соч.* С. 84–91.

³⁰ См. Anderson S. R. *A-Morphous Morphology*. Cambridge, 1992; Halpern A. L. *On the Placement and Morphology of Clitics*. Stanford, 1995. P. 191–92; Klavans J. L. *The Independence of Syntax and Phonology in Cliticization // Language* 61 (1985). P. 96, 100.

³¹ Цитируется по: Казанский Н. Н. Между письменным и устным текстом: древнегреческое “наивное” письмо // *Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко*. СПб., 2001. С. 246–47.

³² Наиболее часто в греческих папирусах III в. до н. э. См. многочисленные примеры: Mayser E., H. Schmol1. *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit* (I.1.). Berlin, 1970. S. 204–205; ср.: Janse M. *La position des pronoms personnels enclitiques en grec néo-testamentaire à la lumière des dialectes néo-helléniques // C. Brixhe La koiné greque antique*. Nancy, 1993. P. 85–86.

ции местоименных клитик от формы глагола в балканских и ряде романских языков.

В диссертации приводятся следующие контраргументы.³³ (1) Сентенциальные энклитики еще более ограничены, с точки зрения линейно-синтагматической свободы, чем местоименные клитики, однако не являются фразовыми аффиксами. (2) Обнаруживаются примеры слитного написания не только глагольных форм и зависящих от них местоименных дополнений, но также подлежащего и сказуемого (ΕχσεκιασευραφσεραποσεεμερBerlin 1720; 540–530 гг. до н. э.; см. сн. 31). Ассимилятивные процессы наблюдаются в греческой эпиграфике как между глаголом и местоименным дополнением, так и вообще между любыми контактно стоящими словами (τῆμ πάτροιμ πολιτείαμ πᾶσιγ καταστήσας)³⁴. (3) Сопоставление греческой и семитской ситуаций представляется ошибочным, т. к. в древнегреческом и среднегреческом возможна интерпозиция посторонних элементов между глагольной формой и местоименной клитикой (в частности, сентенциальных клитик). Сравнение же греческих местоименных клитик с немецкими отделяемыми приставками не представляется перспективным. Кроме того, имеются переводы древнееврейского примера с местоименным аффиксом (*lā-mā 'šavtā-nī?* Psalm. XXII. 2), в которых встречается, как постпозиция местоименной клитики (Εἰς τὸ ἐγκατέλιπες με; Marc. XV. 34; А С Θ $f^{1.13}$ 157 M), так и препозиция (Εἰς τί με ἐγκατέλιπες; Marc. XV. 34; ⚡ В Ψ 059 pc).³⁵ 4. В ранних новогреческих текстах (например, *Эпосе о Дигенисе Акрите*, стихотворениях Птохопродрома, поэмах *Эротокрит* и *Жертвоприношение Авраама*) позиция местоименных глагольных клитик определяется не морфологическими факторами, а синтактико-прагматическим контекстом.³⁶

³³ См. Janda R. D., B. D. Joseph. Pseudo-Agglutinativity in Modern Greek Verb Inflection and 'Elsewhere' // Papers from the 28th Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society. Vol. 1. Chicago, 1992. P. 251–266.

³⁴ См. Mayser E., H. Schmolli. *Op. cit.* S. 204.

³⁵ См. Janse M. Convergence and Divergence... P. 238.

³⁶ Препозиция (с разной степенью обязательности) имеет место после целевого союза ἵνα, частиц νά, ἄς, ὅα, отрицательных частиц и наречий, вопросительных местоимений, союзов, вводящих сравнительные обороты и придаточные времени и условия, после семантически выделенного слова (или сочетания слов) и проч. Подробнее: Mackridge P. H. An Editorial Problem in Medieval

Во второй части раздела («Объектные местоимения 1 и 2 л. ед. ч.») изучаются факторы, влияющие на позицию местоименной клитики относительно глагола-референта в «Луге Духовном», где встречается, как постпозиция местоименной клитики, так и ее контактная и дистантная препозиция (см. Табл. 3)³⁷

Табл. 3. Позиция местоименных клитик.

	μου	μοι	με	σου	σοι	σε	Итого
OV	— (0,00%)	17 (6,18%)	23 (15,23%)	1 (14,29%)	19 (23,75%)	11 (26,19%)	71 (12,59%)
VO	9 (100,00%)	258 (93,82%)	128 (84,77%)	6 (85,71%)	61 (76,25%)	31 (73,81%)	493 (87,41%)

Было замечено, что постановка местоименных клитик подчиняется следующим правилам. I. Постпозиция встречается (1) всегда, если глагол стоит в начале предложения или колонна; (2) при формах повелительного наклонения; (3) почти всегда при глаголах речевой деятельности (зафиксировано только три исключения); (4) регулярно при глаголах зрительного и чувственного восприятия; (5) обычно, если наблюдается нейтральный порядок слов (т. е., отсутствует ярко выраженная маркированность). II. Препозиция имеет место (1) всегда, если перед глагольной формой стоит усиленное отрицание (οὐ μή, οὐκ ἔτι), наречие οὕτως или другой синтаксический элемент, указывающий на маркированность; (2) когда неглагольный элемент, связанный с местоименной клитикой синтаксически или просодически, маркирован и в результате действия эмфазы сдвигается в начало предложения или колонна; (3) регулярно, если местоименная клитика управляется инфинитивом, зависящим от личной формы глагола, находящейся перед ним на минимальной синтаксической дистанции.

Постпозицию местоименного дополнения мы считаем базовым порядком слов. На это, в частности, указывает низкая информатив-

Greek Texts: the Position of the Object Clitic Pronoun in the Escorial 'Digenes Acrites' // Αρχές της Νεοελληνικής λογοτεχνίας. Πρακτικά του δευτέρου διεθνούς συνεδρίου "Neograeca medii aevi". 'Ανάπτυο από τὸν Α' τόμο. Venetia, 1993. P. 325-342; Janssen M. C. Η πρόταξη και ἐπίταξη του αδύνατου τύπου της προσωπικής αντωνυμίας την εποχή του Ερωτόκριτου και της Θυσίας του Αβραάμ // Cretan Studies 6 (1998), 129–144.

³⁷ В препозиции местоименное дополнение оформляется как энклитика к предыдущему слову — язык Иоанна Мосха не знает местоименной проклизы.

ность местоименных форм, стоящих в постпозиции к глаголу-референту — объект или пациенс очевидны из контекста. Постпозиция местоименных клитик в «Луге Духовном», с одной стороны, служит для заполнения обязательных глагольных валентностей, а, с другой — отражает стремление автора сделать свой текст более доступным и однозначно интерпретируемым. Это позволяет проводить аналогию между местоименной клитикой в постпозиции и определенным артиклем.³⁸

Препозиция местоименной клитики обусловлена маркированностью. Предположение о том, что в центре действия эмфазы оказывается само местоимение (т. е., Мосх плохо различает при написании сильную и слабую формы), подтверждается редким употреблением сильных форм местоимения в функции дополнения (11), явным доминированием препозиции ударных форм (9) и участием местоименных клитик в антитезе (Δός μοι οὖν λόγον ὅτι ὦδε κατοικεῖς, κἀγὼ σοὶ τῆν ὑγείαν παρέχω PG 2853B4–5). Однако следующие факты свидетельствуют об ошибочности этого предположения: (1) Мосх не может различать графически сильные и слабые местоименные формы 1 л. ед. ч., т. к. в сильной форме добавляется морфологический показатель ἔ-;³⁹ (2) в эллиптированном предложении употребляются только ударные формы;⁴⁰ (3) сравнительный анализ слабых и сильных форм в постпозиции указывает на существование семантических различий между ними; 4. несмотря на то, что препозиция вызвана процедурой эмфазы, маркирована не местоименная клитика, а глагольная форма, сдвиг которой за местоименное дополнение и «вызывает» препозицию. Объектом действия эмфазы может быть только ударная форма.

В третьей части раздела («Двусложные объектные клитики») рассматриваются местоименные дополнения 1 и 2 л. мн. ч. и 3 л. Противопоставление между сильными и слабыми формами у них появи-

лось только в новогреческом,⁴¹ хотя тенденции к этому фиксируются уже в «Луге Духовном», на что указывают два следующих факта: (1) двусложные местоимения часто ставятся в соответствии с законом Ваккернагеля (второе место в предложении/колоне, сочетания (цепочки) с сентенциальными клитиками и проч.); (2) постановка двусложного местоимения относительно глагола-референта во многом схожа с принципами постановки местоименных клитик.

Постпозиция двусложного местоимения является базовым порядком: она наиболее частотна (1181 пример против 81), регулярна при глаголах речевой деятельности и отличается низкой информативностью. Двусложные местоимения, стоящие после глагола-референта, можно сравнить с определенным артиклем. Препозицию двусложных местоимений следует считать маркированной. Если в центре действия эмфазы оказывается само местоименное дополнение, можно говорить о функционально сильных формах; если же к препозиции приводит маркированность глагола-референта, надо говорить о функционально слабым формам (которых явное большинство).

В конце раздела предпринимается сравнение местоименных дополнений 1 и 2 л. ед. ч. и двусложных местоимений, между которыми обнаруживается множество соответствий, таких, как (1) функциональное противопоставление сильных и слабых форм; (2) участие в цепочке энклитик, где местоименная форма ставится в соответствии с *Правилом рангов*; (3) объяснимость сдвига далее второй позиции с помощью определенных правил; (4) употребление не только в функции дополнения (например, μοι и αὐτοῦ, как притяжательные местоимения); (5) тенденция к постпозиции и общность факторов, приводящих к препозиции. Эти общие черты позволяют говорить о процессе формирования новой системы местоимений.

В **Заключении** подведены итоги исследования языка Иоанна Мосха, причем отмечается, что применение метода комплексного описания литературного памятника позволило сделать ряд важных выводов:

³⁸ Panagiotidis P. Pronouns, Clitics and Empty Nouns. ‘Pronominality’ and Licensing in Syntax. Amsterdam–Philadelphia, 2002. P. 64ff, 70.

³⁹ Я искренне благодарен П. Макриджу, указавшему мне на этот фактор.

⁴⁰ Сюда можно отнести также то, что сильные формы сочетаются только с предлогами (проклитиками), а клитические, за редкими исключениями, — только с наречиями (словами, имеющими собственное ударение). следовательно, Мосх различает ударные и неударные местоименные формы.

⁴¹ Мы не поддерживаем предположение С. Аллена, согласно которому двусложные местоимения были, как и глагольные формы, энклитическими, но позже утратили эту особенность. См. Allen W. S. Accent and Rhythm, Prosodic Features of Latin and Greek. A Study in Theory and Reconstruction. Cambridge, 1973. P. 243. Следует отметить, что в ряде древнегреческих диалектов данное противопоставление существовало для форм 3 л.

1. Лингвистический анализ в области морфологии и синтаксиса «Луга Духовного» может быть проведен на основании существующих изданий, благодаря которым имеется вероятность в значительной степени приблизиться к авторскому тексту.

2. Многие языковые, стилистические и художественные особенности «Луга Духовного» объясняются стремлением автора сделать свой текст занимательным и как можно более интересным и понятным для малограмотных носителей языка, в том числе, чтобы избежать двусмысленных толкований.

3. В «Луге Духовном» четко прослеживается связь между языковым, стилистическим и художественным «уровнями», что позволяет говорить о намеренном стилистическом варьировании, обусловившем выбор синтаксических конструкций и вариантов морфологических форм.

4. Комплексный анализ «Луга Духовного» позволяет предположить, что в этом патерике отражены особенности разговорной речи образованных современников Мосха, чья языковая компетенция сформировалась под влиянием Библии и ранней христианской прозы. Отсюда смещение языковых пластов, которое препятствует осмыслению «Луга Духовного» как промежуточного звена между древнегреческой и новогреческой языковой ситуацией (нормой), но лингвистические особенности этого патерика, безусловно, отражают в определенной степени разговорный язык эпохи, так что данное произведение представляет собой важную веху в истории развития грамматического строя новогреческого языка.

Благодаря комплексному описанию языка «Луга Духовного» были выявлены аспекты, отражающие развитие греческой языковой системы, включая факторы, влияющие на позицию слабой формы местоимения в функции дополнения, и разработана модель для их описания с учетом особенностей действия закона Ваккернагеля и употребления эмфазы, как синтаксического средства. Это позволило определить в изучаемом памятнике статус местоименных клитик, как синтаксических элементов, постепенно превращающихся в глагольные клитики, и установить регулярные закономерности их употребления. Последнее сформулировано в виде небольшого набора простых правил, которые можно распространить, с определенными оговорками, на двусложные местоименные дополнения.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Narrative Structures in 'Spiritual Meadow' by Ioanos Moschos // Riga 1st International Conference of Hellenic Studies "Hellenic World and Us", December 7–8, 2001. Abstracts. Riga, 2001. P. 35–36.

2. Анализ языковой вариативности в средневековых религиозных текстах // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой. СПб, 2002. С. 16–27. (В соавторстве с Н. А. Бондарко).

3. К вопросу о безударных местоимениях у Иоанна Мосха // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 1–17 марта 2001 г. Санкт-Петербург. Балканские исследования. Выпуск 26. СПб, 2001. С. 8–11.

4. Тенденция развития системы личных местоимений в языке Иоанна Мосха // Индоевропейское языкознание и классическая филология 5. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб, 2001. С. 65–68.

5. Анализ средневековых текстов и социолингвистические факторы (на материале «Луга духовного» Иоанна Мосха) // «Юрьевские чтения». Материалы междисциплинарной конференции молодых филологов. Выпуск II. 2001 г. СПб, 2002. С. 41–48.

6. Слабые местоимения у Иоанна Мосха. Опыт семантикограмматического анализа // Индоевропейское языкознание и классическая филология 4. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб, 2000. С. 53–56. (В соавторстве с А. С. Мухиным).

7. Слабые местоимения у Иоанна Мосха. Опыт семантикограмматического анализа // Н. Н. Казанский (ред.) Colloquia Classica et Indo-Germanica — III. СПб, 2002. С. 65–72. (В соавторстве с А. С. Мухиным).